

КАЗНИ ПЛЕННЫХ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1918–1919 ГОДАХ

Гражданские войны жестоки и бескомпромиссны. Не была исключением и Гражданская война в России, в ходе которой все стороны практиковали жестокость по отношению к военнопленным. В особенности это касалось истребления идейно мотивированного противника: белыми — членов большевистской партии, красными — белых офицеров.

«Каждого казака решили убивать»

Случаи убийств офицеров красными на Южном Урале были зафиксированы уже в начале 1918 г., причем не всегда речь шла о казнях белых. Так, 24 января 1918 г. на разъезде № 18 был расстрелян возвращавшийся с фронта к семье бывший командир 2-го Оренбургского казачьего полка генерал-майор П. В. Хлебников, которого ранее задержали на станции Платовка, доставили для краткого допроса в Оренбург и обвинили в связях с донским атаманом А. М. Калединым¹. На перроне красногвардейцы расстреляли генерал-майора В. Н. Репина². В своей квартире был убит 67-летний отставной генерал-лейтенант Шагимардан Кочуров и с ним бывший командир 12-го Оренбургского казачьего полка полковник М. Ф. Доможиров³. В Баймаке в феврале 1918 г. красные расстреляли польских офицеров Зайковского, Калькштейна и Козловского⁴. 23 марта 1918 г. расстреляны есаулы С. С. Полозов и А. П. Кручинин (по иронии судьбы член Императорского человеколюбивого общества)⁵. На глазах собственных малолетних детей в своей квартире в Оренбурге 31 марта 1918 г. был убит полковник Г. М. Нагаев⁶.

В начальный период Гражданской войны отношение к пленным офицерам было наиболее ожесточенным. 5 апреля в Верхнеуральске был убит полковник К. Т. Кузнецов⁷. Один офицер расстрелян весной 1918 г. в поселке Бриентском⁸. 20 марта 1918 г. в Троицке расстреляны красными хорунжий М. К. Смагин и прапорщик А. Матюков⁹. 25 марта там же расстрелян войсковой старшина Д. М. Нагаев (брат упомянутого полковника Г. М. Нагаева)¹⁰. Там же расстреляли и третьего из братьев — есаула А. М. Нагаева¹¹. На станции Еманжелинская Троицкой железной дороги в 20-х числах марта 1918 г. красные расстреляли сотников Воложенина и А. М. Дюрягина¹². Дюрягин с ямщиком были захвачены с грузом динамита, который везли из поселка Никольского для казаков-повстанцев станицы Кичигинской. Ямщика также расстреляли¹³. Сотник Дюрягин погиб, скомандовав расстреливающим: «Пли, сволочь!» Один из участников расстрела, А. П. Суворов, в 1919 г. был предан военно-полевому суду при штабе Западной армии белых¹⁴. В марте 1918 г. расстрелян и сотник И. Кожевников, задержанный красными в станице Кичигинской¹⁵.

2 апреля 1918 г. в троицкой тюрьме расстреляли войскового старшину А. Н. Половникова. В декабре 1917 г. он, будучи исполняющим должность окружного атамана 3-го военного округа ОКВ, мобилизовал казаков на борьбу с красными, но был выдан жителями одной из станиц и на протяжении трех с половиной месяцев содержался в тюрьме, после чего был убит¹⁶. Причем, по имеющимся данным, у еще живого офицера штыками выломали ключицы¹⁷.

В марте — апреле 1918 г. в 3-м военном округе ОКВ расстреляли хорунжего Н. И. Плотникова¹⁸. Он был активным противником большевизма. В январе 1918 г. состоял в партизанском отряде войскового старшины Ю. И. Мамаева. Остался в станице Кичигинской, где вел агитацию против красных. В марте 1918 г. руководил акцией по порче железной дороги у станции Нижнеуфельская. Был задержан на хуторе Нехорошкове¹⁹. Не позднее апреля 1918 г. в 3-м округе был расстрелян подъесаул П. В. Токарев, задержанный в станице Кичигинской²⁰. 7 апреля на станции Троицк расстреляли временно командовавшего 18-м Оренбургским казачьим полком полковника М. Ф. (?) Ситникова²¹.

Подъесаул Г. В. Енборисов, по его собственному утверждению, в марте 1918 г. попал в плен к красным в бою под станицей Подгорной, был выведен на казнь, но спасся²². Схожие, но более драматичные перипетии выпали на долю прапорщика И. Старкова. Он состоял в партизанском отряде войскового старшины Ю. И. Мамаева и участвовал в Тургайском походе, но отделился от отряда и по своей инициативе направился на Сибирскую железную дорогу для установления связи с восставшими против большевиков. В поселке Луговском был узан красноармейцами и приговорен к расстрелу, но в ночь перед казнью бежал. При преследовании переплыл реку Тобол, причем был ранен в руку. В дальнейшем играл видную роль в казачьем повстанческом движении²³.

Новая волна насилия последовала после набега казаков на Оренбург 4 апреля 1918 г. Уже 7 апреля 1918 г. в связи с активным участием кадетов в набеге казаков были расстреляны пять штаб-офицеров — воспитателей 2-й Оренбургской гимназии военного ведомства (2-го Оренбургского кадетского корпуса) (полковники С. Н. Вейц, П. П. Дударь, Л. Н. Любарский, К. А. Хрипунов и подполковник Латернер) и ее директор генерал-майор А. К. Ахматов²⁴. Как отмечалось в одной из газетных заметок того времени, «через 1–2 ч[аса] после ухода казаков явились в гимназию комиссар воен[но-]уч[ебных] заведен[ий] по г. Оренбургу тов. Андрианов-Башилов вместе с председ[ателем] ком[итета] служащ[их] 1[-й] Неплюевской гимназии тов. Соломатовым, которым и было рассказано все произошедшее. Ввиду явного упущения, а, быть может и злого намерения со стороны директора и воспитателей старшего возраста, совершенно бездействовавших, было решено их арестовать до выяснения истины, и они под конвоем были отправлены в тюрьму... На третий день они были отправлены из тюрьмы в следственную комиссию и через несколько часов были возвращены трупы директора и старших воспитателей»²⁵.

9 апреля на станции Дубиновка Орской железной дороги были выданы казаками красным и расстреляны два казачьих офицера — родные братья подъесаулы В. Ф. и М. Ф. Михайловы, собиравшиеся участвовать в набеге на Оренбург, но до города даже не добравшиеся²⁶. Расстреляны 73-летний отставной генерал-майор Ф. С. Воробьев²⁷, войсковой старшина Никитин²⁸, полковник в отставке А. Н. Полозов (позднее сообщено, что расстрелян «по недоразумению») ²⁹, убит рабочими разжалованный еще в период первой русской революции сотник Н. В. Стрелковский, состоявший в 1917 г. членом Совета рабочих депутатов Оренбурга³⁰. Выдан казаками станицы Нежинской краснотерцевцам и 22 марта расстрелян организатор набега на Оренбург войсковой старшина Н. В. Лукин. 23 марта был расстрелян отставной генерал-майор С. Ф. Вержболович. Неподалеку от Оренбурга в станице Сакмарской не позднее 13 мая 1918 г. было арестовано и расстреляно 14 человек, в том числе несколько казачьих офицеров (данные имеются только о расстреле есаула В. П. Петрова).

10 июня 1918 г. под Верхнеуральском был расстрелян войсковой старшина П. Ф. Воротовов³¹. В Орске в конце июня 1918 г. расстрелян офицер И. А. Кочергин³², в июле там же красные расстреляли офицеров Долгорукова и Кадошника³³. В 1918 г. расстрелян офицер Г. М. Самоцвет, вышедший из строя при расстреле красными по списку вместо есаула — отца пятерых детей³⁴. В том же году расстреляны братья хорунжие А. П. и Г. П. Горбуновы³⁵, прапорщик Коваленко³⁶. В 3-м военном округе расстреляны хорунжий М. Елагин, прапорщики П. И. Беспалов (Беспалов) и И. Ф. Плотников³⁷.

Позднее, 25 марта 1919 г. Оренбургской губЧК был расстрелян прапорщик А. А. Преснов³⁸, а в августе 1919 г. в красном Оренбурге приговорен ревтрибуналом

1-й армии к расстрелу войсковой старшина Г. К. Деревянов³⁹. 1 июля 1919 г. попал в плен к красным и 26 сентября был расстрелян по приговору особого отдела 5-й армии подъяесаул Г. Я. Рожнов (Шельстов)⁴⁰. Таким образом, известны персональные данные о расстреле 52 офицеров, в большинстве своем связанных с Оренбургским казачьим войском. Разумеется, эти данные не являются исчерпывающими, однако близки к таковым. Для сравнения: за годы Первой мировой войны погибли, умерли или пропали без вести 80 офицеров ОКВ, а всего на фронт отправились 722 казачьих офицера⁴¹. Таким образом, цифра казненных красными оренбургских офицеров сопоставима с численностью погибших на фронтах Первой мировой.

По чинам казненные (у кого известны чины или предполагаются) распределились следующим образом: генералов — 6, штаб-офицеров — 16, обер-офицеров — 25.

Поручик И. К. Волегов, служивший в одном из оренбургских казачьих полков, вспоминал, что «если попадал в плен офицер, то у живого офицера вырезали на плечах погоны, а если на погонах были звездочки, то сколько было звездочек, столько же гвоздей вбивали в их плечи. Это — неопровержимый факт»⁴². Казакам, кроме того, на ногах вырезали «лампасы».

Крестьянин села Ново-Ключевка Бузулукского уезда Самарской губернии Г. В. Глушков писал 25 мая 1918 г. управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу: «С казаками можно было давно уже все уладить без штыков. Они бы выдали и Дутова и всех главарей, но бестактность красноармейцев так озлобляет казачье население, что просто диву даешься — или дело ведут набитые дураки — или просто провокаторы. Два-три хороших, теплых воззвания, какие мастер составлять Л. Д. Троцкий, и казаки были бы на нашей стороне. Теперь около Оренбурга Дутова нет. Казаки сами нападают именно на те отряды, которые позволяют себе хозяйничать в казачьих селениях. Если провести следствие, то картина выяснится ужасающая. Я ехал в вагоне вместе с красноармейцами, они мне рассказывали следующее: “Когда мы занимаем казачью деревню, то отбираем все, что можно взять, заставляем кормить себя утками и курами, словом живем хорошо. Только одно плохо, нападают на них на сонных. Недавно убили 110 человек”. Каждого казака решили убивать, всех офицеров брать на пушку⁴³. Вот те девизы, с которыми идут на Оренбургский фронт большинство наших товарищей-красноармейцев»⁴⁴. В результате подобной недальновидной политики тысячи казаков поднялись на борьбу с красными.

«Принесли сена, положили и сожгли этого полковника целиком»

В ряде случаев пленных белых офицеров даже не расстреливали, а подвергали средневековым казням. Автору этих строк довелось обнаружить в оренбургских архивах несколько свидетельств на этот счет со стороны красных, действовавших в 1918–1919 гг. против войск атамана А. И. Дутова со стороны Туркестана. В такие свидетельства трудно поверить, если не знать, что они вполне искренни, даже бесхитростны и исходят от самих же красных — участников и очевидцев тех жестоких событий. Мы не стремимся раздувать ненависть к какой-либо из сторон той войны — зверства творились всеми. Однако обнародовать эти документы необходимо, поскольку в последнее время заметны тенденции к оправданию то красных, то белых.

Видный участник установления советской власти на Южном Урале, организатор красных отрядов К. Н. Котов вспоминал о событиях на станции Яйсан Ташкентской железной дороги в 1918 г.: «Когда начали напирать со стороны Сагарчина, то сказали, что идет подкрепление, мы бросились вперед, забрали пленных, убили несколько человек офицеров, и у одного из них нашли записную книжку, а в ней пароль. Согласно этого пароля послали, окружили его⁴⁵, казаки бросились бежать, кто куда — раздетые, босые, а дело было зимой, полк белых был разбит. В Яйсане такая картина. Когда жгли мосты, то наши красногвардейцы поймали полковника партизана Леманова⁴⁶. Повели его сюда, с ним было несколько человек белогвардейцев. Когда его вели, то он говорит: “Не убивайте меня, я людей не убивал, мое дело было мосты сжигать, путь ломать”. Тут один красногвардеец не выдержал и ударил его по лицу. Едет крестьянин, увидал этого полковника и говорит: “Я его знаю, он подлежит позорной смерти — сожжению”. Тут же принесли сена, положили и сожгли этого полковника

целиком. Сообщили в штаб, а там говорят: “Зачем это сделали, мы бы у него сумели выпытать то, что нам нужно. Ну да уж что делать, нас подвел крестьянин говорим, мы и сожгли”⁴⁷.

«Генерал тут же на площади... был сожжен на костре»

Судя по всему, сожжение пленного на станции Яйсан не было единичным. Нашлось похожее свидетельство, но с другими деталями. Командир пулеметной команды 218-го стрелкового полка Н. И. Лебедев, рассказывая о боях конца 1918 г., вспоминал: «В одном из боев под Яйсаном, утром, при большом тумане наша разведка захватила одного белого генерала и двух с ним казаков-ординарцев, которые заплутали от своих частей и попали в руки нашей разведки. Генерал оказался из одной из карательных частей белой армии, который был доставлен в штаб к командующему Туркестанским фронтом т. Зиновьеву⁴⁸, когда, получив все требующиеся от него данные, красногвардейцы потребовали устроить ему самосуд, и командующий вынужден был передать его в распоряжение красногвардейцев, и генерал тут же на площади ст. Яйсан был сожжен на костре, а ординарцы остались служить у нас в армии»⁴⁹. К сожалению, личность казненного установить не удалось.

«Этого офицера рубить»

При междоусобице в казачьей среде участь пленных нередко определялась свидетельствами их знакомых или жадной мести. Такие решения отличались крайней субъективностью, в результате чего страдали невинные люди. Татарский советский писатель и драматург Ш. Х. Усманов, в прошлом комиссар, на заседании оренбургского землячества в Москве в 1934 г. рассказывал о красных оренбургских казаках: «Например, попадает в плен офицер или казак, сейчас же моментально их узнают и говорят: “Этого офицера рубить” или же говорят: “Это наш человек”»⁵⁰. Ему вторил другой участник событий, Мирошников: «В то время настроение трудового казачества было такое, что они не хотели рассуждать, а как только кто-нибудь попадал в плен, так сейчас же требовали его уничтожения... Предъявлять обвинения [красным] казакам и комсоставу, что они расстреливали тогда, нельзя. Такое было настроение... Наш штаб так и делал, и если эти люди были безвредны, то мы их отпускали на все четыре стороны, а вредных уничтожали»⁵¹.

Еще один ветеран Гражданской войны, красный командир П. С. Курач, привел пример того, как это происходило: «Летят два казака линейных с пиками. Наши подзывают их и спрашивают: “Куда вы едете?” Они думали, что это их казаки и отвечают: “Мы ищем донецкого”⁵² полковника, чтобы сдать ему пакет”. Тогда мы взяли у них пакет, и я хотел отправить и казаков, но оказалось, что они из Линевской станицы, и спасти их не удалось, так как это была одна из контрреволюционных станиц, которая порола фронтовиков, и их тут же зарубили. Конечно, этого нельзя было делать, но белые партизаны засекли отца Обухова насмерть, так что удержать наших было нельзя»⁵³.

«Генерала Дашкина бросили живьем в море»

А вот оставленные в 1957 г. воспоминания красногвардейца А. Н. Князева о том, как казнили пленного генерала З. Ш. Дашкина: «Я, бывший красногвардеец-партизан Гражданской войны 1917–1919 года, сражался в боях против банды генерала Дутова. Хорошо знаю последнюю часть помощника Дутова, генерала Дашкина. Мы его захватили в плен на оренбургских берегах, когда он ехал вооружать на остров “Муйнак” Аральского моря⁵⁴ ссыльных казаков. Были захвачены нашим Челкарским отрядом, куда был влит⁵⁵ в 1919 году первый Северный полк, командовал Жеребьев Андрей. Генерал Дашкин с обозом вооружения, боепитания и обмундирования. Дашкин ехал в карете, запряженной тройкой лошадей, в сопровождении сотни казаков. Когда они поравнялись с нами, с судна “Коммунар” был ураганный огонь по белогвардейцам, сопровождающий из орудий на шрапнели. Сопровождающие не приняли боя, покинув

своего генерала, а обоз ускакал обратно; но мы в количестве пяти человек подъехали к карете, предложили сдаться и обезоружили сидящих. Генерал Дашкин ехал с женой, сыном-поручиком 25 лет и дочерью девяти лет. Находились они на нашем судне «Коммунар». По приказу командования Туркестанского фронта мы возвращались в Аральск. По решению большинства, генерала Дашкина бросили живьем в море, а сына-поручика, подбросив в воздух, застрелили из нагана, и он тоже потонул в море. Жену с малолетними детьми привезли в Аральск»⁵⁶.

В этом развернутом описании речь идет о генерал-майоре Зюлькарнаине Шангареевиче Дашкине. Он родился в 1861 г. в семье казачьего офицера татарского происхождения и, как и отец, всю жизнь посвятил военной службе. Участвовал в Первой мировой войне, был контужен, но остался в строю. В Гражданскую войну некоторое время служил у красных, затем вошел в состав Башкирского правительства, также служил при Временном киргизском (то есть в современном значении — казахском) правительстве Алаш-Орды⁵⁷. До сих пор его трагическая участь оставалась неизвестной.

Описанные случаи жестокости красных, оказавшихся блокированными на Ташкентской железной дороге и в Туркестане, связаны с их изоляцией от советского центра, засильем партизанщины, слабостью командования этих формирований и отсюда возможностью самосудов. Разумеется, не все случаи зафиксированы документально. Необходимо вести работу по идентификации упоминаемых жертв истязаний. Как бы то ни было, зверства по отношению к пленным и бессудные расправы оправдать невозможно.

Примечания

¹ 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк в документах и фотографиях / публ. В. Г. Семенова. // Гостиный двор. 1997. № 5. С. 218 ; Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 : биограф. справ. М., 2007. С. 589–590.

² Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 481.

³ Там же. С. 196–197, 298–299.

⁴ Там же. С. 226, 256, 279.

⁵ Там же. С. 306, 460.

⁶ Там же. С. 389 ; Шмотин М. [П.] Славный подвиг казаков[-]оренбур[ж]цев // Оренбургский казак. Харбин, 1937. С. 42.

⁷ Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. С. 314.

⁸ Оренбург. казачий вестн. 1918. № 143. С. 2.

⁹ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 39. Л. 102 ; Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 354, 521.

¹⁰ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 389.

¹¹ Там же. С. 388.

¹² Там же. С. 157, 205.

¹³ Приказ по Оренбургскому казачьему войску от 24 сентября 1918 г. № 207.

¹⁴ Приказ командующего Западной армией от 18 марта 1919 г. № 114.

¹⁵ Приказ по Оренбургскому казачьему войску от 24 сентября 1918 г. № 207 ; Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 278.

¹⁶ Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 3 июня 1919 г.

¹⁷ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 457–458.

¹⁸ Там же. С. 454.

¹⁹ Приказ по Оренбургскому казачьему войску от 24 сентября 1918 г. № 207.

²⁰ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 560.

²¹ Там же. С. 515, 517.

²² Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 38–39.

²³ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 536–537.

²⁴ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 255 об. ; Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 100, 149, 200–201, 322, 342, 593.

²⁵ Из жизни 2[-й] гимназии военного ведомства. События последних дней // Изв. Оренбург. губ. исполнит. к-та Советов рабочих, крест. и казачьих депутатов. 1918. № 54. С. 4.

²⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. Казаки сдали своих. Трагическая история семьи Михайловых на фоне братоубийств, в которые страна погрузилась сто лет назад // Родина. 2018. № 4. С. 129–133 ; Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 368–369.

²⁷ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 158–159.

²⁸ Предположительно, речь идет о Филиппе Ивановиче Никитине (11.10.1856 — не позднее 1918), впрочем находившемся уже в годы Первой мировой войны в чине полковника (Там же. С. 402–404).

²⁹ *Г. Ц.* Большевистские дни Оренбурга // *Яицкая воля*. 1918. № 151. С. 1 ; *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Указ. соч. С. 459.

³⁰ *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Указ. соч. С. 541.

³¹ Там же. С. 163.

³² Там же. С. 296.

³³ Там же. С. 193, 250.

³⁴ Там же. С. 501.

³⁵ Там же. С. 174.

³⁶ Там же. С. 275.

³⁷ Там же. С. 111, 208, 454.

³⁸ Там же. С. 471.

³⁹ *Семенов В. Г.* Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945». Оренбург, 2009. С. 21.

⁴⁰ *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Указ. соч. С. 487.

⁴¹ Там же. С. 37.

⁴² *Волегов И. К.* Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988. С. 50–51.

⁴³ Так в документе. Очевидно, должно быть «на мушку».

⁴⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 256.

⁴⁵ Подкрепление.

⁴⁶ Проверка по материалам картотеки участников Белого движения, хранящейся в ГАРФ, и по другим справочным материалам не позволила установить личность этого офицера.

⁴⁷ ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 211. Л. 9–10.

⁴⁸ Георгий Васильевич Зиновьев (1887–1934) — член РКП(б), командующий войсками Туркестанской республики.

⁴⁹ ГАОО. Ф. Р-2900. Оп. 1. Д. 172. Л. 121.

⁵⁰ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 2216. Л. 157.

⁵¹ Там же. Л. 165–166.

⁵² Из станицы Донецкой.

⁵³ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 2216. Л. 152.

⁵⁴ В документе несогласованно — Аральское море.

⁵⁵ В документе — слит.

⁵⁶ ГАОО. Ф. Р-2900. Оп. 1. Д. 172. Л. 48.

⁵⁷ Подробнее см.: *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Указ. соч. С. 187–188.